

она снова подумала о той гнилой массѣ, черной и вонючей, въ какую превратится ея тѣло. И снова трепеть ужаса пробѣжало по ней. Она хорошенько не понимала, какъ она можетъ исчезнуть безъ того, чтобы вся земля не погибла, — до такой степени она чувствовала себя нераздѣльной частью всего окружающаго, полей, воздуха, солнца, всей природы.

Раздался хохотъ въ саду, слышались громкіе голоса, перекликавшіеся съ шумной деревенской веселостью, и она узнала звучный голосъ де-Бельвина, который пѣлъ:

«Je suis sous ta fenêtre,

Ah! daigne enfin paraître!»

Она встала и, не размышляя, выглянула въ окно. Всѣ принялись аплодировать. Они были здѣсь всѣ пятеро, да еще трое незнакомыхъ ей господъ.

Она вдругъ отскочила отъ окна, пронзенная мыслью, что всѣ эти мужчины пріѣхали веселиться къ ея матери, куртизанкѣ.

Колоколь прозвонилъ, призывая въ завтракъ. «Я покажу имъ, какъ умирають», сказала она себѣ. И сошла внизъ твердымъ шагомъ, съ такой же отчасти рѣшительностью, съ какой христіанскіе мученики входили въ циркъ, гдѣ ихъ ожидали львы.

Она пожала всѣмъ руки, улыбаясь ласково, но немного надменно. Сервиньи спросилъ:

— Что вы не такая сердитая сегодня, мамзель Иветта, какъ въ тотъ разъ?

Она отвѣчала строгимъ и загадочнымъ тономъ:

— Сегодня я буду дурачиться. У меня парижское настроеніе. Берегитесь.

И обратясь къ де-Бельвину, прибавила:

— Вы будете сегодня моей жертвой. Я васъ всѣхъ уведу послѣ завтрака на праздникъ въ Марли.

Дѣйствительно въ Марли былъ праздникъ. Ей представили новыхъ знакомыхъ: графа де-Тамривъ и маркиза де-Брикто.

За завтракомъ она мало говорила, собираясь съ духомъ, чтобы быть веселой весь день, такъ чтобы никто ни о чемъ не догадался, чтобы сильнѣе удивить ихъ, чтобы они говорили впоследствии: — кто бы этого ожидалъ!

Она казалась такой счастливой, такой довольной!

Она старалась при этомъ не думать о вечерѣ, о выбранномъ ею часѣ, когда они всѣ будутъ находиться на террасѣ.

Она пила какъ можно больше вина, чтобы подзадорить себя,